

МЕМОАРЫ
1941

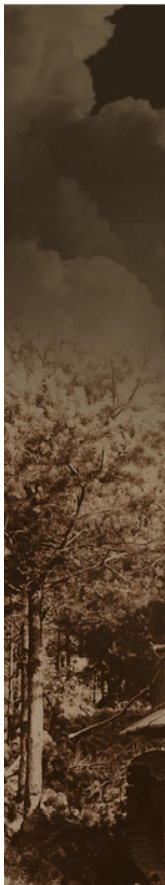
ЗАПАДНОЙ
ФРОНТА

ВОСПОМИНАНИЯ
НЕМЕЦКОГО
ТАНКИСТА

1944

Отто Кариус

«ТИГРЫ» В ГРЯЗИ

Отто Кариус
«Тигры» в грязи. Воспоминания
немецкого танкиста. 1941–1944
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5827401

*«Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. 1941—1944 / Пер.
С.В. Лисогорского.: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-9524-5057-8*

Аннотация

Командир танка Отто Кариус воевал на Восточном фронте в составе группы армий «Север» в одном из первых экипажей «тигров». Автор погружает читателя в самую гущу кровавого боя с его дымом и пороховой гарью. Рассказывает о технических особенностях «тигра» и его боевых качествах. В книге приведены технические доклады по испытаниям «тигра» и отчеты о ходе боевых действий 502-го батальона тяжелых танков.

Содержание

Предисловие	6
По зову Родины	7
По стопам Наполеона	14
Первый «Т-34»	22
Снова в прежней компании	25
Катастрофа	28
В бретани	36
Как выглядит «тигр»	39
Скорым поездом на ленинградский фронт	46
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Отто Кариус

«Тигры» в грязи.

Воспоминания

немецкого танкиста

Посвящается моим боевым товарищам из 2-й роты 502-го батальона тяжелых танков, дабы почтить память тех, кто погиб, и напомнить оставшимся в живых о нашей бессмертной и незабвенной дружбе.

Otto Carius
TIGER IM SCHLAMM

Предисловие

Свои первые записи о том, что мне пришлось испытать на фронте, я делал исключительно для тех, кто воевал в составе 502-го батальона «тигров». Вылившись в конце концов в эту книгу, они оказались оправданием германского солдата с передовой. На немецкого солдата возводили напраслину открыто и систематически, намеренно и по случаю с 1945 года как в Германии, так и за рубежом. Общество, однако, вправе знать, каковой была война и каковым простой германский солдат на самом деле!

Однако более всего эта книга предназначена для моих бывших боевых товарищей танкистов. Она задумана для них, как напоминание о тех трудных временах. Мы делали точно то же самое, что и наши товарищи по оружию во всех прочих родах войск, – выполняли свой долг!

Я смог запечатлеть события, составившие главную суть повествования, боевые операции между 24 февраля и 22 марта 1944 года, потому что мне удалось сохранить после войны соответствующие донесения дивизии и корпуса. Их мне тогда предоставили в распоряжение, и я отправил их домой. В качестве подспорья для моей памяти у меня оказались и обычные официальные документы для всех прочих случаев.

Отто Кариус

По зову Родины

«Что они думают делать с этой мелочовкой... вот что я тоже хотел бы знать», – сказал один из карточных игроков. Они сгрудились, водрузив на колени чемодан, и в попытке сделать свое отбытие не таким тягостным, коротали время за картами.

«Что они думают делать с этой мелочовкой...» – донеслось до меня. Я стоял у окна купе и смотрел назад, на горы Хардт, в то время как поезд отстукивал километры в восточном направлении через равнинную местность Рейна. Кажалось, это судно покинуло безопасный порт, плывя в неизвестность. Время от времени я все еще удостоверивался в том, что мое призывное свидетельство лежит в кармане. На нем значилось: «Позен, 104-й запасной батальон». Пехота, царица полей!

Я был белой вороной в этом кругу и, пожалуй, не мог никого винить за то, что меня не воспринимали всерьез. Собственно говоря, это было вполне понятно. Мою кандидатуру дважды отклоняли после вызова: «В настоящее время не годен к действительной службе в связи с недостаточным весом»! Дважды я глотал и тайком вытирал горькие слезы. Господи, там, на фронте, никто не спрашивает, какой у тебя вес!

Наши армии уже пересекли Польшу беспрецедентным победным маршем. Всего несколько дней назад и Франция ста-

ла ощущать парализующие удары нашего оружия. Мой отец был там. В начале войны он снова надел военную форму. Это означало, что у моей матери теперь будет совсем мало дел по хозяйству, когда ей позволят вернуться в наш дом на границе. А мне впервые пришлось самостоятельно отмечать свое 18-летие в Позене. Только тогда я осознал, сколь многим обязан родителям, которые подарили мне счастливую юность! Когда я смогу вернуться домой, сесть за пианино или взять в руки виолончель или скрипку? Всего несколько месяцев назад я хотел посвятить себя изучению музыки. Потом передумал и увлекся машиностроением. По этой же причине я пошел добровольцем в армию по специальности «противотанковые самоходные установки». Но весной 1940 года им совсем не нужны были добровольцы. Меня определили пехотинцем. Но и это было неплохо. Главное, что я принят!

Через некоторое время в нашем купе стало тихо. Нет сомнения, каждому было о чем подумать: мысли ворохом роились в голове. Долгие часы нашего путешествия конечно же давали для этого самую благоприятную возможность. К тому времени, как высадились в Позене на затекших ногах и с болью в спине, мы были вполне счастливы, что лишились этого времени для самоанализа.

Нас встретила группа из 104-го запасного пехотного батальона. Нам приказали идти в ногу и привели в гарнизон. Бараки для срочнотружущих конечно же не блистали роско-

шью. Помещение казармы было недостаточно просторным, и помимо меня там находилось еще сорок человек. Некогда было размышлять о высоком долге защитника отечества; началась борьба со старожилами за выживание. Они смотрели на нас, как на надоедливых «чужаков». Мое положение было практически безнадежным: безусый юнец! Поскольку только густая щетина была явным признаком настоящей возмужалости, мне пришлось держать оборону с самого начала. Зависть со стороны других по поводу того факта, что я обходился бритьем всего раз в неделю, только усугубляла положение.

Наша подготовка вполне соответствовала тому, чтобы действовать мне на нервы. Я часто думал о своем университете имени Людвига Максимилиана, когда муштра и построения доходили до критической точки или когда мы барахтались в грязи на территории учебного полигона во время учений на местности. Для чего нужна такая тренировка, я узнал позднее. Мне пришлось неоднократно использовать приобретенные в Позене навыки, чтобы выбираться из опасных ситуаций. Впрочем, проходило всего несколько часов, и все страдания бывали забыты. От ненависти, которую мы испытывали по отношению к службе, к нашим начальникам, к нашей собственной тупости в ходе подготовки, вскоре не осталось и следа. Главное, все мы были убеждены, что все, что мы делали, имело определенную цель.

Любая нация может считать, что ей повезло, если у нее

есть молодое поколение, которое отдает стране все силы и так самоотверженно сражается, как это делали немцы в обеих войнах. Никто не вправе упрекнуть нас уже после войны, даже при том, что мы злоупотребляли идеалами, которыми были переполнены. Будем надеяться, что нынешнее поколение окажется избавлено от того разочарования, которое было уготовано испытать нам. А еще лучше, если бы наступило такое время, когда ни одной стране не понадобилось бы никаких солдат, потому что воцарился бы вечный мир.

Моей мечтой в Позене было завершить начальную подготовку пехотинца и при этом благоухать, как роза. Эта мечта вылилась в разочарование главным образом из-за пеших маршей. Они начались с пятнадцати километров, возрастали на пять километров каждую неделю, дойдя до пятидесяти. Неписанным правилом было, чтобы всем новобранцам с высшим образованием давать нести пулемет. По-видимому, они хотели испытать меня, самого маленького в подразделении, и узнать, каков предел моей силы воли и способен ли я успешно выдержать испытание. Неудивительно, что, когда я однажды вернулся в гарнизон, у меня было растяжение связок и гноящийся волдырь, размером с небольшое яйцо. Я был не в состоянии далее демонстрировать свою доблесть пехотинца в Позене. Но вскоре нас перебросили в Дармштадт. Близость к дому вдруг сделала жизнь в казармах не такой тягостной, а перспектива увольнения в конце недели дополнительно скрасила ее.

Думаю, что я повел себя довольно самоуверенно, когда однажды командир роты стал отбирать двенадцать добровольцев для танкового корпуса. Предполагалось брать только автомехаников, но с благожелательной улыбкой мне разрешили присоединиться к дюжине добровольцев. Старикан был, вероятно, рад избавиться от недомерка. Однако я не вполне осознанно принял решение. Мой отец разрешил мне поступать в любой род войск, даже в авиацию, но категорически запретил танковые войска. В мыслях он, вероятно, уже видел меня горящим в танке и терпящим ужасные муки. И, несмотря на все это, я облачился в черную форму танкиста! Однако никогда не сожалел об этом шаге, и, если бы мне снова пришлось стать солдатом, танковый корпус оказался бы моим единственным выбором, на этот счет у меня не было ни малейшего сомнения.

Я опять стал новобранцем, когда пошел в 7-й танковый батальон в Файингене. Моим танковым командиром был унтер-офицер Август Делер, громадный мужчина и хороший солдат. Я был заряжающим. Всех нас переполняла гордость, когда мы получили свой чехословацкий танк 38(t). Мы чувствовали себя практически непобедимыми с 37-мм орудием и двумя пулеметами чехословацкого производства. Мы восхищались броней, не понимая еще, что она для нас лишь моральная защита. При необходимости она могла оградить лишь от пуль, выпущенных из стрелкового оружия.

Мы познакомились с основами танкового боя на поли-

гоне в Путлосе, в Гольштейне, куда отправились на настоящие стрельбы. В октябре 1940 года 21-й танковый полк был сформирован в Файингене. Незадолго до начала русской кампании он вошел в состав 20-й танковой дивизии, во время учений на полигоне в Ордурфе. Наша подготовка состояла из совместных учений с пехотными частями.

Когда в июне 1941 года нам выдали основное довольствие в виде неприкосновенного запаса, мы поняли: что-то должно произойти. Высказывались разные предположения о том, куда нас собирались перебросить, пока мы не двинулись в направлении Восточной Пруссии. И хотя крестьяне Восточной Пруссии нашептывали нам то одно, то другое, мы все еще верили, что посланы на границу для поддержания безопасности. Эта версия была иллюзией, сформировавшейся во время нашей подготовки в Путлосе, где мы тренировались на танках, передвигающихся под водой, поэтому склонны думать, что нашим противником станет Англия. Теперь мы были в Восточной Пруссии и уже больше не мучились неопределенностью.

Мы выдвинулись к границе 21 июня. Получив директиву о сложившейся ситуации, мы наконец узнали, какая нам отводится роль. Каждый изображал ледяное спокойствие, хотя внутренне все мы были чрезвычайно возбуждены. Напряжение становилось просто невыносимым. Наши сердца готовы были вырваться из груди, когда мы слышали, как эскадрильи бомбардировщиков и пикирующих бомбардиров-

щиков «Штука» с гулом пронесли над нашей дивизией в восточном направлении. Мы располагались на краю леса, к югу от Кальварьи. Наш командир установил на своем танке обычный радиоприемник. По нему мы слышали официальное объявление о начале русской кампании за пять минут до времени «Ч». За исключением нескольких офицеров и унтер – офицеров, никто из нас еще не участвовал в боевых действиях. До сих пор мы слышали настоящие выстрелы только на полигоне. Мы верили в старых вояк, имевших Железные кресты и боевые знаки отличия, а они сохраняли полную невозмутимость. У всех прочих не выдерживал желудок и мочевого пузыря. Мы ждали, что русские откроют огонь с минуты на минуту. Но все оставалось спокойным, и, к нашему облегчению, мы получили приказ атаковать.

По стопам Наполеона

Мы прорвались через пограничные посты юго-западнее Кальварьи. Когда после 120-километрового марша по дороге к вечеру мы достигли О литы, уже чувствовали себя ветеранами. И все равно испытали радость, когда, наконец, остановились, поскольку наши чувства во время марша были обострены до предела. Мы держали оружие наготове; каждый находился на своем посту.

Поскольку я был заряжающим, у меня оказалась самая невыгодная позиция. Мне не только не было ничего видно, но я даже не мог носа высунуть на свежий воздух. Жара в нашей машине стала почти невыносимой. Каждый амбар, к которому мы приближались, вызывал у нас некоторое оживление, но все они оказывались пустыми. С необыкновенным любопытством я ожидал, что расскажет об увиденном командир нашего танка. Нас взбудоражило его сообщение о первом увиденном им мертвом русском, с волнением мы ожидали первого боевого контакта с русскими. Но ничего подобного не случилось. Поскольку наш батальон головным не был, могли предполагать такой контакт только в том случае, если авангард будет остановлен.

Мы без происшествий достигли первой цели нашего движения в тот день – аэродрома в Олите. Счастливые, скинули с себя пропыленную форму и были рады, когда, наконец,

нашли воду, чтобы как следует помыться.

– Совсем неплохо здесь воевать, – сказал со смешком командир нашего танка унтер-офицер Делер после того, как в очередной раз вытащил голову из бадьи с водой. Казалось, этому умыванию не будет конца. За год до этого он был во Франции. Мысль об этом придавала мне уверенности в себе, ведь я впервые вступил в боевые действия, возбужденный, но и с некоторой боязнью.

Нам буквально приходилось откапывать свое оружие из грязи. В случае настоящего боя из него мы не смогли бы стрелять. Мы вычистили все до блеска и предвкушали ужин.

– Эти летуны тут славно поработали, – заметил наш радист, чистивший оружие. Он смотрел в сторону края леса, где русские самолеты были застигнуты на земле во время первых налетов люфтваффе.

Мы сняли с себя форму и испытывали такое чувство, будто заново родились. Невольно мне вспомнились картинки с сигаретных пачек, которые мы увлеченно собирали годами, и в частности одна из них: «Бивак на вражеской территории».

Вдруг над нашими головами разнесся гул.

– Черт побери! – ругнулся наш командир.

Он лежал рядом со мной в грязи. Но рассердил его не огонь противника, а моя неуклюжесть: я лежал на сухарях из его армейского пайка. Это было какое-то неромантичное боевое крещение.

Русские все еще находились в лесной чаще, окружавшей аэродром. Они собрали свои разрозненные подразделения после первоначального шока того дня и открыли по нас огонь. Прежде чем осознали, что происходит, мы уже снова были в своих танках. А потом вступили в свой первый ночной бой, будто из года в год только этим и занимались. Я был удивлен тем, какое спокойствие овладело всеми нами, как только мы осознали всю серьезность того, что делали.

Мы чувствовали себя почти бывалыми солдатами, когда на следующий день пришли на помощь в танковом сражении у Олиты. Мы оказывали поддержку при форсировании реки Неман. Нам почему-то было приятно осознавать, что наши танки не были такими же, как у русских, несмотря на небольшие собственные потери.

Наступление продолжалось без помех. После овладения Пилсудским трактом оно продолжалось в направлении Вильно (Вильнюса. — *Пер.*). После взятия Вильно 24 июня мы чувствовали гордость и, пожалуй, некоторую самоуверенность. Мы считали себя участниками значительных событий. Мы почти не замечали, насколько были вымотаны напряженным маршем. Но только когда останавливались, тут же валились с ног и засыпали как убитые.

Мы особенно не задумывались о том, что происходило. Разве могли мы остановить это наступление? Немногие, пожалуй, обращали внимание на тот факт, что мы двигались той же дорогой, по которой шел когда-то великий француз-

ский император Наполеон. В тот же самый день и час 129 лет назад он отдал точно такой же приказ о наступлении другим солдатам, привыкшим к победам. Было ли это странное совпадение случайным? Или же Гитлер хотел доказать, что он не сделает тех же ошибок, что и великий корсиканец? Во всяком случае, мы, солдаты, верили в свои способности и в удачу. И хорошо, что не могли заглянуть в будущее. Вместо этого у нас была только воля рваться вперед и завершить войну как можно скорее.

Нас повсюду восторженно встречало население Литвы. Здешние жители видели в нас освободителей. Мы были шокированы тем, что перед нашим прибытием повсюду были разорены и разгромлены еврейские лавочки. Мы думали, что такое оказалось возможно только во время «хрустальной ночи» в Германии. Это нас возмутило, и мы осудили ярость толпы. Но у нас не было времени долго размышлять об этом. Наступление продолжалось беспрерывно.

До начала июля мы занимались разведкой и стремительно продвигались к реке Дюна (Двина, Даугава). У нас был приказ: двигаться вперед, вперед, и только вперед, днем и ночью, сутки напролет. От водителей требовалось невозможное. Вскоре я уже сидел на месте водителя, чтобы дать пару часов отдыха нашему вымотанному товарищу. Если бы хоть не было этой невыносимой пыли! Мы обмотали тканью нос и рот, чтобы можно было дышать в облаках пыли, повисшей над дорогой. Мы уже давно сняли с брони смотровые прибо-

ры, чтобы хоть что-то видеть. Мелкая, как мука, пыль проникала повсюду. Наша одежда, пропитанная потом, прилипала к телу, и толстый слой пыли покрывал нас с головы до пят.

При достаточном количестве хоть сколько – nibудь пригодной для питья воды положение было бы более или менее сносным, но пить запрещалось, потому что колодцы могли быть отравлены. Мы выпрыгивали из машин на остановках и искали лужи. Сняв зеленый слой с поверхности лужи, смачивали водой губы. Так мы могли продержаться немного дольше.

Наше наступление шло в направлении Минска. Мы завязали бои к северу от города. Было первое крупное окружение, была форсирована Березина, и наступление продолжилось на Витебск. Темп движения не снижался. Теперь уже возникали проблемы с поддержанием бесперебойного снабжения. Пехотные подразделения не поспевали, как ни старались. Никого не волновали районы по обе стороны автострады.

А там прятались партизаны, о которых нам доведется узнать позднее. Наши полевые кухни вскоре также безнадежно отстали. Армейский хлеб стал редким деликатесом. И хотя было в изобилии мяса домашней птицы, однообразное меню скоро стало надоедать. У нас начинали течь слюни при мысли о хлебе и картошке. Но наступающие солдаты, которые слышат звуки фанфар победных сообщений по радио,

не воспринимают что-либо слишком серьезно.

8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины.

Это произошло возле полностью сожженной деревни Улла. Наши инженерные части построили понтонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позиции вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину, как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища – и все! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не требовалось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватившись рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радист потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд.

Мои выбитые зубы скоро оказались в мусорном ведре медпункта. Осколки, вонзившиеся мне в лицо, оставались в нем до первых лучей солнца следующего дня и вышли сами собой – как и было предсказано.

Я двигался на попытках обратно на фронт. Горящие деревни указывали путь. Свою роту я встретил как раз перед Витебском. Горевший город окрашивал ночное небо в кро-

ваво-красный цвет. После того как на следующий день мы взяли Витебск, у нас появилось ощущение, что война еще только начинается.

Наступление, оборона, подавление сопротивления, преследование сменяли друг друга. События трех недель были отмечены в моем дневнике лишь несколькими строками.

«С 7/11 по 7/16. Наступление через Демидов – Духовщину в направлении Ярцева (шоссе Смоленск – Москва) с целью окружения сил противника в районе Витебск– Смоленск. Бой за переправу через Днепр у Гатчина.

С 7/17 по 7/24. Оборонительный бой за Ярцево и у реки Выпь. Оборонительный бой на рубеже Выпь – Вотря. Бой с целью уничтожения окруженных сил противника в «смоленском мешке».

С 7/25 по 7/26. Преследование вдоль верхнего течения Двины.

С 7/27 по 8/4. Оборонительный бой у Ельни и Смоленска. Оборонительный бой у реки Выпь перед пунктом Белев».

За этим перечислением голых фактов скрыты тяготы, которые могут быть понятны только тем, кто там был. Тех же, кто там не был, их перечисление лишь наводит на мысль о преувеличении. Поэтому, полагаю, могу себе позволить не давать в дальнейшем комментариев, особенно исходя из того, что все впечатления могу передать лишь с точки зрения

заряжающего. А заряжающий находится в таком положении, которое не позволяет ему получать общее представление о проводимых операциях.

Каждый из нас проявил себя и вкусил все невзгоды сполна. Мы были убеждены, что успех возможен только в том случае, когда каждый выкладывается до конца.

Несмотря на это, мы иногда проклинали наших командиров, некоторые из которых пренебрегали своими обязанностями и проявляли безответственность. После одного знойного дня, проведенного в сражениях, когда наши пересохшие глотки напрасно ожидали воды, мы ругались на чем свет стоит, узнав о том, что наш батальонный командир распорядился устроить ему купание, используя воду, приготовленную для нашего кофе. Это вопиющее поведение командира было выше нашего понимания. Но мысль о нашем моющемся командире давала нам такую почву для грубых солдатских шуток, что скоро этот случай стал рассматриваться лишь как курьез.

Первый «Т-34»

Еще одно событие ударило по нас, как тонна кирпичей: впервые появились русские танки «Т-34»! Изумление было полным. Как могло получиться, что там, наверху, не знали о существовании этого превосходного танка?

«Т-34» с его хорошей броней, идеальной формой и великолепным 76,2-мм длинноствольным орудием всех приводил в трепет, и его побаивались все немецкие танки вплоть до конца войны. Что нам было делать с этими чудовищами, во множестве брошенными против нас? В то время 37-мм пушка все еще была нашим сильнейшим противотанковым оружием. Если повезет, мы могли попасть в погон башни «Т-34» и заклинить его. Если еще больше повезет, танк после этого не сможет эффективно действовать в бою. Конечно, не очень-то обнадеживающая ситуация!

Единственный выход оставляло 88-мм зенитное орудие. С его помощью можно было эффективно действовать даже против этого нового русского танка. Поэтому мы стали с высочайшим уважением относиться к зенитчикам, которым до этого от нас доставались лишь снисходительные улыбки.

Иваны, как будто догадываясь о нашем затруднительном положении, впервые начали атаку в нашем секторе со своим «Ура! Ура!». Сначала мы подумали, что наша пехота сама атакует с криками «Ура!». Однако вскоре узнали, что все со-

всем наоборот. Так как Москва, как считалось, была почти в наших руках, у нас появилось подозрение, что уже нельзя больше рассчитывать на скорый конец этой кампании.

Поэтому у меня были смешанные чувства, когда 4 августа 1941 года я получил приказ отбыть в Эрланген, в 25-й танковый запасной батальон. За три дня до этого на погонах моей униформы появился галун унтер-офицера.

В Эрлангене мы сдавали экзамен на права по управлению грузовым автомобилем и танком. Сразу после этого прибыли в Вюнсдорф близ Берлина, чтобы пройти курс обучения кандидата в офицеры.

2 февраля 1942 года мне сообщили, что я не соответствую предъявляемым этим курсом обучения требованиям. Так же как и Терт Мейер и Клаус Вальденмейр из нашего взвода, я конечно же не принял все это всерьез. Кроме того, был один вопрос, который мне никак нельзя было задавать. Я думал, что мне представился случай доверить свои сомнения классной доске. Но мое начальство вовсе не нашло забавным вопрос: «А офицеры запаса человечны?» Так что мы все еще оставались военнослужащими унтер-офицерского состава и кандидатами в офицеры, когда расстались с курсом обучения. Собственно говоря, нас не слишком это огорчало.

В конце концов, новоиспеченным лейтенантам приходилось нести службу в запасных частях, в то время как мы сразу же были отправлены в наш прежний полк. Нас отпустили со словами ободрения. Наш офицер-куратор, которого мы

все боготворили, потому что он был настоящей личностью и относился к своим обязанностям со всей душой, сказал на прощание, что уверен: мы скоро достигнем своей цели на фронте. Там мы сможем гораздо легче доказать, что достойны стать офицерами.

Даже сегодня я вспоминаю его. Про себя поздравил бундесвер с удачей, когда узнал, что оберст Филипп стал командиром учебного полка в Андернахе.

Снова в прежней компании

Мы нашли 21-й полк на зимних позициях в Гжатске. Он ужасно поредел: лишь одна рота была еще укомплектована танками. Все прочие машины были выведены из строя в боях во время позорного отхода зимой 1941/42 года.

– Мы тебя ждали, – приветствовали меня наши товарищи. – Ну, покажи, чему тебя научили!

Они заговорщически ухмылялись, и мы чувствовали: что-то замышляется. Нам дали задание сменить наряд по уборке снега.

Оно состояло в том, чтобы расчищать дорогу на площадке перед танками во время боевых действий для того, чтобы они не застревали. В снегу, в своей черной форме, перед самыми танками – ну и работенка! Вопреки ожиданиям все прошло гладко. Кроме того, мы конечно же были в лучшем положении, чем наши товарищи, которым в их форме танкистов приходилось действовать как пехотинцам.

С завистью мы смотрели, как хорошо экипированы иваны по сравнению с нами. Мы испытали настоящее счастье, когда несколько танков пополнения наконец прибыли к нам из глубокого тыла. 10-я рота была полностью переоснащена, и я смог принять свой взвод. С марта по конец июня 1942 года мы завязли в оборонительных боях с русскими вокруг позиций, занимаемых нами с зимы у Гжатска и к востоку от Вязь-

мы. Затем нас перебросили в район Сычевки, где мы приняли участие в оборонительных боях восточнее Белой.

Во время этого боя я был представлен к повышению в звании, а несколько дней спустя произошло то, из-за чего я чуть было не лишился новых погон.

Мой взвод расположился вдоль лесной тропы. «Прекрасное место!» – справедливо заметил мой водитель. Нас нельзя было заметить ни спереди, ни сзади – повсюду деревья и кусты. Ничейная земля начиналась на другой стороне тропы. Рядом с нами, несколько в стороне, располагалось противотанковое орудие. Вместе с нами были пехотинцы.

Водители и заряжающие четырех моих танков только что ушли раздобыть мяса. Мои мысли уже были направлены на еду, когда началась пальба и русские атаквали. Половина экипажей отсутствовала; ни один танк не был готов к бою. Я запаниковал, скользнул на сиденье водителя, задним ходом выехал из чащи. Другие танки моего взвода последовали за мной, полагая, что отказала радиосвязь. Они действовали по уставу, который предписывал в подобного рода случаях делать то же, что и командир взвода.

Проехав несколько сот метров, я понял, что натворил. Расчет противотанкового орудия и множество пехотинцев, по-видимому, потеряли самообладание, когда увидели, как я рванул. Я быстро развернулся и занял прежнюю позицию. Великолепные парни в стрелковых ячейках держали свои нервы в узде и уже отразили нападение.

– Приятель, что за куча героев? – спросил командир оружия. – Если это все, что вы умеете, то вам лучше вообще не соваться на фронт!

Я стоял как в воду опущенный, и мне оставалось только уверять его, что подобное больше никогда не повторится.

После этого случая мне еще долго было не по себе. Как просто было принять поспешное решение и какими тяжелыми могли оказаться последствия! Конечно же мне следовало оставаться на месте – это стало ясно уже через несколько минут, но ошибка была совершена в тот момент, когда мы запустили двигатели.

Этот эпизод стал мне хорошим уроком, и я всегда напоминал себе о нем, особенно, когда приходилось принимать решение, касающееся подчиненных. Я был счастлив, что получил возможность загладить вину, прежде чем наша часть была переброшена в район к северу от Орла. Воспользовавшись ею, я мог, по крайней мере, ждать повышения с чистой совестью.

Однако до того как я получил повышение, мне суждено было познакомиться с особой областью боевых действий. Я стал на короткое время командиром инженерного взвода в штабе роты.

Катастрофа

Мы были в своих убежищах далеко за линией фронта. Однажды утром меня окликнул взволнованный командир:

– Эй, Кариус, взгляни-ка – совсем как в кино! Подумать только!

Только что экипированная полевая дивизия люфтваффе прошла мимо нашего расположения по пути на фронт. У меня перехватило дыхание: как в волшебной сказке! От вещевых мешков до орудий – все было новехонькое. Мы видели оружие, о котором знали только по слухам: пулеметы «МГ-42», 75-мм противотанковое длинноствольное орудие и другие потрясающие вещи. Нам хотелось верить, что мы, наконец, сможем полностью переоснастить и наши части. Все, что шло на фронт, гарантировало спокойную зиму в этом секторе.

Нашему командиру роты, естественно, не терпелось поближе рассмотреть все это великолепие, и мы двинулись к линии фронта, чтобы разведать ситуацию. Преобладала атмосфера уверенного спокойствия. Казалось, что мы в районе учений. На унтер-офицерах были элегантные фуражки с козырьком; солдаты двигались с ленцой и скучали на своих позициях.

Не было совершенно никаких признаков боя. По этой причине они зачехлили пулеметы «МГ-42», чтобы в них не

попала какая-нибудь грязь. Товарищей по оружию просто невозможно было уговорить хоть бы раз продемонстрировать нам это доселе неизвестное чудо. А что будет, если иваны решатся атаковать здесь? Прежде чем оружие будет готово к бою, русские овладеют позициями.

Наши опасения вскоре подтвердились. Глухой гул, надвигавшийся с северо-востока, разбудил нас однажды утром. Мы несколько минут напрягали слух, после чего уже ничто не могло удержать нас в подземных укрытиях. Снаружи метель с колючим снегом перехватывала дыхание и сбивала с ног. Для русских это была идеальная погода для атаки. Не ожидая сигнала тревоги, мы разбудили роту. Наши подозрения подтверждались. Вскоре поступило донесение, что русские прорвались.

Мы нашли командира полевой дивизии люфтваффе на командном пункте в состоянии полного отчаяния. Он не знал, где находились его подразделения. Русские танки смяли все вокруг, прежде чем противотанковые орудия успели произвести хотя бы один выстрел. Иваны захватили новейшую технику, а дивизия разбежалась во все стороны. К счастью, противник после быстрой первоначальной победы сразу же остановился. Он боялся попасть в засаду. С некоторыми усилиями наш полк смог ликвидировать прорыв. Это был настоящий сумасшедший дом!

Когда одна пехотная часть подошла к деревне, им приветственно махали люди в форме люфтваффе. И вдруг они

открыли уничтожающий огонь. Это были русские, в трофейной зимней одежде. Нам после этого приказали стрелять по всякому военному в форме люфтваффе, поскольку в ней могли быть только переодетые русские. К несчастью, несколько наших разрозненных штурмовых групп стали жертвами этого приказа. Как только в течение нескольких последующих дней и недель мы слышали, как в отдалении строчит пулемет «М-42», могли поклясться жизнью, что стреляют русские. Мы так и не попробовали ни одного из них в действии, а нашим пехотинцам обычно приходилось довольствоваться трофейным оружием русских.

Мы все приходили в ярость при мысли о провале тех, кто верил самое лучшее оружие совершенно неопытным, слабо подготовленным войскам и сразу бросил их на фронт.

Как же бережно мы обращались с людьми и техникой в последующие недели в наступательных и оборонительных боях к югу от рубежа Белев – Козельск – Сухиничи!

Я пережил особенно неприятный момент в одной из операций уже в качестве новоиспеченного лейтенанта и командира саперного взвода. Нам поручили разминировать местность перед тем, как по ней пойдут танки. Я был несказанно удивлен тем, что отделался только поверхностным ранением руки. После этого стал ценить работу наших саперов.

Я был счастлив, когда был переведен обратно в прежнюю 1-ю роту. Я снова увидел Августа Делера, своего старого командира танка. Он к тому времени стал фельдфебелем, и,

естественно, мы ездили вместе в одном взводе. В операции, в которой мы принимали участие, наш батальон понес самые большие с начала кампании потери.

Русские широко использовали противотанковые ружья, которые легко пробивали броню наших танков. Наши потери были очень велики. Многие наши товарищи получили в своих танках смертельные ранения, а тяжелораненых приходилось эвакуировать.

Мы были совершенно беспомощны в ночном сражении. Русские подпустили нас слишком близко. К тому времени, когда мы их заметили, было слишком поздно защищаться, поскольку невозможно было использовать танковые прицелы ночью.

Ощущение незащитности охватило нас. К счастью, первые танки «Т-IV» с 75-мм длинноствольным орудием, танки «Т-III» с более толстой броней и 50-мм длинноствольным орудием стали поступать в небольших количествах из глубокого тыла. Это был проблеск надежды на возможность обрести новые силы, который так часто появлялся во время войны в России.

После фактической потери надежды и всякой веры в наши собственные машины мы снова приободрились, и этого воодушевления хватило на последнюю безуспешную атаку на Плавск и Белев.

Тем временем наступил январь 1943 года. Предполагалось, что я возьму отпуск в тыл до предстоящей отмены от-

пусков.

Вечером накануне моего отъезда Август Делер вывел свой танк из его укрытия. Он был врыт в землю, чтобы таким образом спастись от жуткого холода. Делер проехал по гладкой плоскости в своих меховых ботинках и проскользил к передней части левой гусеницы машины. Она зацепила его, а водитель этого не заметил. Остальные члены экипажа закричали, танк был немедленно остановлен, но гусеница уже наехала на верхнюю часть бедра Делера. Он погиб на месте, не издав ни звука. Я потерял одного из лучших друзей.

Потом я уже по-настоящему был готов к отпуску и с нетерпением ожидал приезда домой, в родительский дом. Но все шло к тому, что мне не придется насладиться пребыванием там. Вскоре пришла телеграмма, объявлявшая о переброске меня в 500-й учебный батальон. Разочарованный, я гадал, почему мне нельзя вернуться в свою старую роту.

Я прибыл в Путлос в ожидании, что мне придется пройти еще один курс артиллерийской подготовки. Я бы с большим удовольствием вернулся в свою старую фронтовую компанию. Так я думал до тех пор, пока по прибытии в штаб не узнал, что офицерам с фронтовым опытом и нескольким ротам с Восточного фронта надлежит пройти здесь обучение на танке нового типа, «тигре». Новость разнеслась, как огонь пожара, однако никто еще не знал об этом ничего конкретного. Нам довелось увидеть несколько прототипов этого танка в стадии доработки, но нам они не очень понравились.

Руководить обучением должен был гауптман Люттихау. Я знал его по России и не считал большой любезностью с его стороны решение вменить мне в обязанности руководство офицерским собранием. Вероятно, не нашлось других младших офицеров. Тем не менее я ничего не мог поделать! Ничто тогда не говорило о том, что эта работа принесет мне удачу.

Мы отправились в Падерборн, место расположения 500-го учебного батальона, на который позднее была возложена ответственность за все подразделения с «тиграми».

Я встретился с капитаном Шобером, руководителем офицерского собрания. Он прибыл из России со своей ротой на переподготовку. Фон Люттихау строго приказал мне выполнять все пожелания Шобера, касающиеся предоставления алкогольных напитков. Они были близкими друзьями. Шобер любил время от времени пропустить рюмку-другую.

Он почти ежедневно появлялся в моем заведении, поскольку мне приходилось контролировать дефицитные запасы. Там мы познакомились ближе и стали уважительно относиться друг к другу. У меня было ощущение, что я ему нравлюсь не только из-за его особого пристрастия к французскому вермуту.

Мы нередко также проводили время в компании ребят из его роты. Я был особенно счастлив, когда он однажды спросил меня:

– Кариус, а ты не хотел бы перейти в мою роту?

– Так точно, готов хоть сейчас, господин гауптман! – Я поверить не мог в свою удачу. Первоначально формировались только две роты. Самое большее всего шесть человек требовалось от всей группы офицеров. И я попадал в их число! По моей рекомендации Шобер взял обер-лейтенанта фон Шиллера в качестве своего заместителя. Я знал его по 21-му полку.

Я был освобожден от своей должности в офицерском собрании вскоре после перевода в новую роту. Шобер приложился к спиртному изрядно. Следует также учесть, что он все это время снабжал всю роту спиртным.

Когда потребовали несколько бутылок для приема в честь какой-то «шишки», мне пришлось «почтительно» доложить, что не осталось ни единой капли. Ну что ж, моему преемнику не пришлось принимать никаких запасов. Передача была не обременительной!

Я мог целиком посвятить себя делам роты. Когда Шобер представлял меня роте, я не мог не вспомнить комментарии своих попутчиков, когда был вызван. Я никогда не забуду, как вытаращились на меня ротный фельдфебель Ригер и старший фельдфебель Дельцайт. Они позднее признались в своем первом впечатлении обо мне. Его можно было суммировать следующим заявлением: «Ну и коротышка, где это наш старик откопал этого маленького пердуна?»

Естественно, стороннему человеку было трудно завоевать доверие в боевой роте. Но все прошло гладко. Даже перед

нашим отъездом во Францию, где мы должны были получить свои «тигры», я очень сдружился с этими ребятами. Казалось, будто всегда был с ними.

К сожалению, гауптман Шобер был вызван, чтобы принять командование над батальоном. Его прощальная речь долго звучала у меня в ушах и воодушевляла меня. Он просил солдат проявлять ко мне такое же доверие, какое они проявляли к нему.

Я вкладывал душу и сердце в выполнение своих обязанностей. После нескольких месяцев подготовки мы добились больших успехов, обогнав другие роты батальона. В ходе учебы у нас было меньше, чем у других, технических неполадок.

Я не смел и надеяться на это, когда Шобер передал роту гауптману Радтке. Гауптман Уме командовал 3-й ротой. 1-я рота набиралась опыта, как экспериментальное подразделение в северном секторе Восточного фронта с осени 1942 года. После формирования и укомплектования мы должны были последовать за ней в район Ленинграда.

В бретани

Однако сначала мы отправились на запад, в Плоэрмель в Бретани. Рота была направлена в заброшенный замок. Командир роты и заместитель получили отдельное жилье в городе. Я предпочел разместиться вместе с ротой. Нам нужно было познакомиться друг с другом, если мы собирались вместе идти в бой. Ни один мой поступок не оставался незамеченным. Я с охотой и как само собой разумеющееся воспринял все неудобства, с которыми приходилось сталкиваться в маленькой, затхлой комнате нашего «замка».

Веселье началось, как только мы въехали. Нам пришлось приводить в порядок старые конюшни, прежде чем помышлять о том, чтобы там жить. Не было ни деревянного пола, ни деревянных досок. На первое время я хотел достать хотя бы немного соломы для своих людей. Но на соседней ферме мне отказались дать что-либо без письменного распоряжения местной администрации. Тогда я пошел в городскую мэрию, но там уже было закрыто.

Я быстренько собственноручно заполнил документ для фермера, чтобы он мог на его основании обращаться с жалобой. Столь же быстро поступил выговор от командира батальона. Если бы мы вскоре после этого не отбыли на Восточный фронт, меня бы, наверное, затаскали по инстанциям, завели дело о краже или чем-то в этом роде. После вой-

ны мне часто приходилось задумываться над этим, когда я видел, как легко французские оккупационные войска обеспечивали себя всем необходимым за наш счет.

В течение этого периода мне пришлось взять на свою совесть военное преступление – расправу без суда и следствия. Я был следующим по очереди во время боевых стрельб на окраине городка, когда петух с соседней фермы побегал прямо через полигон. Скорее всего, было отдано распоряжение во время проведения стрельб содержать животных из крестьянских хозяйств в загонах. Я как раз только что взял цель, когда петух оказался между мной и целью.

Командир что-то прокричал, но было уже слишком поздно. Петух сделал несколько кувырков, а потом превратился в нечто вряд ли съедобное. Командир роты строго отчитывал меня, когда прибежала расстроенная хозяйка петуха, которой пришлось распрощаться со своим любимцем. Даже деньги не могли ее успокоить, потому что убитый, ясное дело, был самым лучшим петухом в округе.

Неотъемлемой частью нашего пребывания во Франции конечно же было и красное вино. В роте особенно пристрастились к нему австрийцы. Не было вечера, когда бы мне не приходилось вскакивать с постели и укладывать спать подгулявших австрийцев.

Дежурный по казармам обычно не имел возможности выключать свет, поскольку более половины роты составляли военнослужащие унтер-офицерского состава, которые вы-

полняли обязанности водителей, наводчиков и командиров танков. Мне почти всегда самому приходилось объявлять отбой. Но обычно этого не происходило до тех пор, пока я не осушал предложенный мне стакан вина и не прослушивал венской песни.

Мы не слишком серьезно относились к обязательной муштре и построениям, просто изображали движение, когда появлялось начальство, так, чтобы не слишком выделяться. Я был счастлив возможности насладиться несколькими беззаботными днями перед отправкой на фронт.

Вскоре были сформированы команды по транспортировке из Германии и передаче «тигров». Одна из этих команд была вверена мне, поэтому пришлось задержаться в Париже. Город и его жители очень меня интересовали, хотя трудно было поддерживать с ними разговор. Я восхищался тем, как вели себя французы. Видит бог, они проиграли войну, но ни слова не было сказано в упрек их солдатам. Они также воздерживались от всякой критики в наш адрес. Чернить собственное имя, кажется, характерно только для немцев.

Наши войска в Париже вели себя так, будто война уже кончилась и выиграна. Это поведение меня поражало. Я никогда не забывал, что через несколько недель мы снова будем завязаны в ней с русскими.

Как выглядит «тигр»

Естественно, во время обратного пути наши мысли были заняты новым танком. Как-то поведет себя «тигр»? Внешне он выглядел симпатичным и радовал глаз. Он был толстым; почти все плоские поверхности горизонтальные, и только передний скат приварен почти вертикально. Более толстая броня компенсировала отсутствие округлых форм. По иронии судьбы перед самой войной мы поставили русским огромный гидравлический пресс, с помощью которого они смогли производить свои «Т-34» со столь элегантно закругленными поверхностями. Наши специалисты по вооружению не считали их ценными. По их мнению, такая толстая броня никогда не могла понадобиться. В результате нам приходилось мириться с плоскими поверхностями.

Даже если наш «тигр» и не был красавцем, его запас прочности воодушевлял нас. Он и в самом деле ездил, как автомобиль. Буквально двумя пальцами мы могли управлять 60-тонным гигантом мощностью 700 лошадиных сил, ехать со скоростью 45 километров в час по дороге и 20 километров в час по пересеченной местности. Однако с учетом дополнительного оборудования мы могли двигаться по дороге лишь со скоростью 20–25 километров в час и соответственно с еще меньшей скоростью по бездорожью.

По-видимому, самая большая ответственность за готов-

ность машины ложилась на механика-водителя. Он должен вести машину, работая головой, а не задним местом. Если он будет действовать решительно, то его «тигр» никогда его не подведет в трудную минуту. Только по-настоящему хорошего водителя танка и можно допустить к «тигру», и, кроме того, он должен тонко чувствовать характер местности. Ему придется как следует двигаться по пересеченной местности. Он всегда должен держать танк обращенным к противнику менее уязвимой стороной, не надеясь, что командир танка подскажет каждый маневр. Только тогда командир танка сможет целиком сосредоточиться на противнике, а командир взвода или роты станет в ходе боя направлять машину туда, куда нужно, не отвлекаясь постоянно на характер местности.

От водителя танка также требуется сила воли. В конце концов, он единственный член экипажа, который может видеть очень многое, но которому приходится оставаться пассивным, когда по танку ведется огонь, а остальные члены экипажа завязали бой с противником. В таких случаях он помогает наблюдением и должен целиком полагаться на своих товарищей в башне.

Принимая во внимание вышеуказанные качества механика-водителя, становится понятным, почему командирами танков, как правило, становятся именно они, а не наводчики. Взять хотя бы двух командиров – Кершера и Линка. И тот и другой первоначально были механиками-водителями. Также

и мой старый верный Карл Бареш сразу же занял мое место командира танка после того, как я был ранен в 1944 году.

Да позволит мне читатель донести до него некоторую интересную информацию, для того чтобы показать, насколько работа наша не завершена по окончании боевой операции. Для всех нас, особенно для водителя, она по-настоящему еще только начинается, потому что мы должны быть в форме на следующий день.

Топливные баки вмещают 530 литров. Это – двадцать семь канистр по 20 литров. С таким количеством мы могли пройти ровно 80 километров по пересеченной местности.

Обслуживание аккумуляторных батарей было делом важным, особенно зимой. Их приходилось постоянно подзаряжать, запуская мотор, если мы не слишком много перед этим ездили. В противном случае стартер уже не смог завести двигатель. Если такое происходило, двое членов экипажа вылезали и заводили мотор инерционным стартером, подобным тому, что используется на старых самолетах, но только расположенным сзади. Не требуется слишком богатого воображения для того, чтобы понять: нет более экстремальной ситуации, чем эта, в разгар боя и на виду у противника. Несмотря на наши усилия, иногда случалось так, что батареи оказывались подсевшими. На фронте мы вскоре придумали оригинальный способ избегать вылезания наружу.

Вызывали соседний танк. Он отворачивал свою пушку назад, медленно подползал сзади к переднему танку, подтал-

кивал застрявший танк, и двигатель его обычно заводился после нескольких метров движения вперед.

Радиооборудование, внутреннее и внешнее освещение, вентилятор и электрический спуск пушки зависели от аккумуляторных батарей, поэтому понятно, какое большое значение имело их состояние.

Водяной радиатор вместимостью 120 литров и четыре вентилятора обеспечивали охлаждение двигателя. Жалюзи системы охлаждения на корме, абсолютно необходимые для удаления нагретого воздуха, часто становились причиной того, что танк терял боеспособность после попадания в него снарядов или осколков, которые в ином случае не причинили бы ему вреда. Они повреждали радиаторы, расположенные внизу.

Двигателю требовалось 28 литров масла, коробке передач – 30 литров, редукционной передаче – 12 литров, системе башенного механизма – 5 литров и двигателям вентилятора – 7 литров. Пара больших воздухоочистителей захватывает пыль. Если учесть, что при прохождении всего семи километров в машину нагнетается 170 000 литров воздуха, в то время как поднимается пыль с поверхности почти 4 акров земли – и такое ее количество вдыхает человек, сидящий на корме, в самом пыльном месте, – то понятно, что очистка воздушных фильтров необходима перед каждым маршем. При регулярно очищаемом фильтре в ходе операции можно преодолеть 5000 километров без замены двигателя. При за-

грязненных фильтрах мы не могли бы преодолеть и 500 километров.

Четыре карбюратора обеспечивали питание топливом двигателя, а всем этим процессом управлял механик-водитель. Капризность карбюраторов была самым большим недостатком немецких бензиновых моторов, которые проигрывали неприхотливым дизельным двигателям русских. Однако способность более быстро восстанавливать рабочий режим была преимуществом немецкого танкового двигателя.

Полуавтоматическая коробка передач имела восемь передних и четыре задние передачи. Они позволяли перемещать при повороте тяговое усилие с одной гусеницы на другую. При повороте на месте одна гусеница двигалась вперед, а другая – назад. Коробка снабжалась автоматическим гидравлическим сервоприводом. Для переключения передач не надо было выжимать педаль главного фрикциона. Механик-водитель «тигра» сидел у рычагов управления и мог управлять 63-тонной машиной столь же легко, как и автомобилем. В других танках для управления требовалось прилагать много усилий. Перекрывающая подвеска имела по восемь осей с каждой стороны. На каждой оси находились по три балансира, которые вращались внутри гусеницы и одновременно поддерживали ее. Более легкие типы немецких танков имели как балансиры, так и опорные катки. Подумать только, как много этих катков нужно снимать с «тигра» в случае необходимости заменить только один внутренний!

Двигатель объемом 22 литра лучше всего работал при 2600 оборотах в минуту. На 3000 оборотах он быстро перегревался. Прежде чем погрузить танк на платформу, гусеницу для бездорожья приходится заменять на более узкую. В противном случае она вылезала по бокам платформы и представляла опасность для встречного движения. Для транспортировки по железной дороге были сконструированы специальные шестиосные платформы. Они могли перевозить 80 тонн и следовали с каждым батальоном в район боевых действий. Для того чтобы не создавать опасную нагрузку на железнодорожные мосты, по меньшей мере четыре других грузовых вагона должны находиться между двумя платформами с «тиграми».

Башня поворачивалась при помощи гидравлической трансмиссии. Ноги наводчика покоились на наклонной педали. Если он нажимал носком вперед, то башня поворачивалась вправо; если – пяткой назад, она поворачивалась влево. Чем сильнее он нажимал в том или ином направлении, тем быстрее происходило движение. При самом медленном движении поворот орудия башни на 360 градусов занимал 60 минут. При самом быстром – 60 секунд. Таким образом обеспечивалась чрезвычайная точность прицеливания. Опытному наводчику не требовалось потом доводить вручную.

При наличии у пушки электрического спуска легкого нажатия пальцем было достаточно для того, чтобы произвести

выстрел. За счет этого удавалось избегать неизбежного рывка при производстве выстрела.

Нашими самыми опасными противниками в России были танки «Т-34» и «Т-34-85», которые были оснащены длинноствольными 76,2– и 85-мм пушками. Эти танки представляли для нас опасность уже на расстоянии 600 метров с фронта, 1500 метров с боков и 1800 метров с тыла. Если мы попадали в такой танк, то могли уничтожить его с 900 метров нашей 88-мм пушкой. Танк «Иосиф Сталин», с которым мы познакомились в 1944 году, как минимум, был равен «тигру». Он значительно выигрывал с точки зрения формы (так же как и «Т-34»). Не буду вдаваться в подробности относительно танков «КВ-1», «КВ-85» и других, не так часто встречавшихся типов вражеских танков, а также самоходных орудий более крупного калибра.

В полностью оснащенной «тиграми» танковой роте было 14 боевых машин. Их боевая мощь, таким образом, превосходила боевую мощь целого зенитного батальона (3 батареи по 4 орудия в каждом). Затраты на производство одного «тигра» доходили до 1 миллиона рейхсмарок. По этой причине было сформировано лишь несколько батальонов тяжелых танков. Стать командиром такой роты значило взять на себя большую ответственность...

Скорым поездом на ленинградский фронт

После того как мы более или менее познакомились со своими «тиграми», нас отправили на восток. Маленький городок Плоэрмель отмечал праздник Тела Христова. Городская администрация была уведоmlена о времени нашей погрузки в вагоны с тем, чтобы торжества верующих завершились к тому времени, как мы с нашими танками отправимся на железнодорожную станцию. Но какое дело было этим людям до того, что германский фронт близ Ленинграда требовал подкреплений и что войска там ожидали нас с нетерпением? Бесконечно чертыхаясь, мы вынуждены были прождать почти три часа, прежде чем смогли начать погрузку.

Наши «тигры» тщательно оберегались от посторонних глаз – их закрывали брезентом, чтобы не было видно ни одного болта. Несмотря на это, нас не покидало ощущение, что враг уже знал так же много о новых танках, как и мы.

Поезд, как мы скоро заметили, и в самом деле был скорый. Мы лишь сделали краткую остановку, чтобы сменить локомотив. Из Меца я послал телеграмму домой, хотя и сомневался, что кто-нибудь из моих родственников сумеет доехать из Цвайбрюкена до Хомбурга в Саар за такое короткое время. Но настоящая мать солдата может сделать все!

Как только подошел наш поезд, она уже ожидала на платформе. Кроме того, мне вдвойне повезло, потому что здесь как раз происходила смена локомотива. Так что я получил возможность представить свою мать ребятам, с которыми отправлялся на фронт. К счастью, мы не имели понятия, что произойдет с нами, когда ехали через Германию вплоть до Ленинграда. У нас были новые машины, и мы ехали навстречу новым событиям с большим спокойствием, чем отправлялись на любую другую предыдущую операцию.

Время от времени мы посматривали на монстров, спрятанных под брезентом, с неким чувством, похожим на любовь. По крайней мере, мы кое-что могли совершить с их помощью! «Тигр» был тяжеловесом среди наших боевых машин.

Самым легким танком из этой серии был «Т-1», «спортивный автомобиль Круппа», как его прозвали в войсках. Его экипаж состоял из двух человек, вес едва достигал 6 тонн, а вооружение состояло из двух пулеметов. Ко времени русской кампании мы уже оставили его дома.

Три человека составляли экипаж «Т-II». Он был несколько тяжелее, чем «Т-I», и также имел 20-мм скорострельную пушку. К тому времени он применялся лишь для разведывательных целей во взводах легких танков.

В состав экипажа «Т-III» входило пять человек. Он весил ровно 20 тонн и был вооружен 50-мм короткоствольной пушкой (впоследствии длинноствольной) и двумя пулемета-

ми. Чешский танк 38(t) по параметрам приблизительно соответствовал танку «Т-III». Но кроме того что у чешского танка была сталь худшего качества, он проигрывал еще и в том, что его экипаж состоял всего из четырех человек. Командиру танка приходилось одновременно и вести наблюдение, и стрелять.

Танк «Т-IV» можно было встретить в роте тяжелых танков каждого батальона. В нем также было пять танкистов. Его вес составлял от 22 до 28 тонн. Вплоть до конца 1942 года эта боевая машина была оснащена короткоствольной 75-мм пушкой. Позднее у нее появилась длинноствольная пушка того же калибра.

Танк «Т-V» был известен под именем «пантера». Это была новая разработка, сделанная с учетом опыта войны. Танк обслуживали пять человек, он весил 42 тонны и был вооружен 75-мм сверхдлинноствольной пушкой, двумя пулеметами, и у него был механизм поворота башни, как у «тигра».

Нас было пятеро и в нашем «тигре». 88-мм пушка, два пулемета, полуавтоматическая трансмиссия и 700-сильный двигатель довершали внушительный облик 60-тонной машины.

88-мм пушка была такая же, как и та, что блестяще проявила себя в зенитных подразделениях. Ее также взяли за основу, но при еще более длинном стволе в новых противотанковых орудиях. Вскоре нам предстояло подвергнуть танк тяжелому испытанию.

Наш конечный пункт располагался неподалеку от Гатчины. Там мы пережили первую неудачу. Не оказалось наклонной рампы, и один из «тигров» опрокинулся, завалившись на бок. Обнадеживающее начало!

Донесения по окончании боевых действий 1-й роты также были не слишком воодушевляющими. Наши товарищи суетились в районе около Ленинграда с 4 сентября 1942 года. В первые четыре недели им пришлось участвовать в первом оборонительном сражении к югу от Ладожского озера. Потом они увязли в позиционных боях вокруг Ленинграда в полосе XI армейского корпуса. С 12 января по 5 мая 1943 года они приняли участие во втором оборонительном сражении к югу от Ладожского озера в Погостыинском мешке и южнее Колпина.

В ходе этих операций жертвы были неизбежны. Стало также совершенно ясно, что в болотистой местности танки придется время от времени оставлять их экипажам. В то время как был отдан приказ, чтобы ни один «тигр» не попал в руки русских ни при каких обстоятельствах, подожженный танк часто приходилось покидать, а экипажу уничтожать его оружие.

Потерпевшие аварию танки и обломки танков давали возможность русским получить достаточную информацию о том, что у нас есть нечто новенькое. В последовавших операциях мы быстро нашли превосходное описание «тигра» рус-

скими. У каждого русского было такое описание для того, чтобы он знал наши уязвимые точки. Поскольку наше собственное руководство не выпустило инструкции по эксплуатации, мы воспользовались русскими публикациями для своих тренировок. Таким образом мы и сами познакомились с уязвимыми местами собственной техники.

Дебют нашего «тигра», как предполагалось, должен был состояться 22 июля 1943 года при ежедневном использовании в течение восьми недель. Это было третье сражение за Ладогу. Всеми доступными им средствами русские в третий раз пытались восстановить сухопутное сообщение с Ленинградом. Это позволило бы использовать Беломорканал и железную дорогу Волхов-Ленинград.

Мы погрузились на поезда 21 июля. Нам не удалось достичь места назначения. С громадными сложностями мы добрались лишь до Снегирей, небольшой железнодорожной станции возле населенного пункта Мга. С превеликим трудом мы выгрузили свои «тигры» с платформ. Русская артиллерия перенесла огонь, как только мы показались, и нам опять пришлось выгружать их без наклонной ramпы.

3-я рота была брошена в бой прямо с платформы. Гауптман Уме, командир роты и лейтенант Грюневальд были убиты еще до того, как мы прибыли со своим эшелоном.

Иваны обрушили на нас тучи истребителей, к чему мы не привыкли. Кружась вокруг и подражая нашим пикирующим бомбардировщикам «Штука», они уничтожали все. Отдель-

ные фрагменты раскромсанных тел людей и животных, разбитой техники валялись на шоссе. Это была картина, подобную которой я видел только в 1945 году вдоль дорог на западе, по которым проходили отступавшие войска.

Как правило, мы могли двигаться по дороге ночью. Частям, использовавшим конную тягу, практически невозможно было продвигаться вперед.

Мы тоже вскоре были брошены в этот ад. Мы возились с русскими до конца сентября. Ни одна из сторон не могла похвастаться успехом, все лишь отмечали потери. Синявино, высота «Х», дорога на Мазурино и деревня под кодовым названием Бункер – для всех выживших эти названия вновь оживляют память о жестоких боях. Сражения происходили там и сям изо дня в день. Важные позиции часто по несколько раз переходили из рук в руки.

Однажды мы вели бой с ротой против деревни Бункер. Я двигался с юго-востока. Предполагалось, что, как только подойду к деревне, меня поддержат атакой из леска юго-западнее от того места, где я буду находиться.

Однако, дойдя до места, я напрасно ожидал вторую группу «тигров». Я так и не узнал истинной причины того, почему товарищи из другой роты оставили нас в тяжелой ситуации. Мы должны были выпутываться из нее сами, перед лицом противотанковых позиций.

Мы мельком увидели несколько танков, но вскоре уже и сами не знали, где фронт, а где тыл. Нам очень повезло, что

мы выбрались оттуда, так и не успев внести смятение в ряды русских. Я был вне себя от счастья, что все мои «тигры» опять собрались вместе. У кого бы нашлось время в такой сумятице следовать приказам и убедиться, что ни одного поврежденного «тигра» не осталось позади!

Кто-то «заботливо» снабдил каждого командира танка «тигр» фугасным зарядом. Он был вертикально прикреплен к держателю у правой руки командира танка, рядом с сиденьем в башне. С его помощью пушка могла быть уничтожена без всяких усилий. В дополнение к ручным гранатам, лежавшим вокруг командира танка, это было еще одним новшеством.

Я бы охотно обошелся без них. В случае, если танк получил бы смертельный удар, его командир имел полную гарантию, что не попадет в руки русским. А если и попадет, то в таком виде, что будет уже неузнаваем.

Я в конце концов использовал вышеупомянутый держатель для хранения бутылки шнапса. Для моего экипажа из пяти человек это было лучшим успокоительным, чем любой фугасный заряд!

Иногда мы и в самом деле верили, что только алкоголь поможет нам выдержать эту чертову бойню. Мы были разочарованы тем, что успехи, на которые мы рассчитывали, получив новые машины, так и не наступили.

В довершение всего в нашем батальоне командование менялось почти столь же часто, как высота у Синявина пере-

ходила из рук в руки. Многие товарищи были убиты: взводный нашего 3-го взвода, затем унтер-офицер Пфаннштилль, а также унтер-офицер Кинцле. Он был одним из моих веселых австрийцев из замка в Плоэрмеле, верным венцем в старом добром смысле слова.

Бесполезность многих мер, принятых в непосредственной близости к фронту, также вызывала у нас недовольство. Например, кто-то пришел с идеей укрепления дорог в заболоченном районе вокруг Тосно. Предполагалось сделать деревянные настилы и покрыть их асфальтом. Дороги уже были проложены до самой Гатчины, а затем приблизились к фронту. Русские, конечно, с удовольствием воспользовались этим и хорошими дорогами для наступления в январе 1944 года.

Нам приходилось обходиться бревенчатыми настилами почти три года. Бревенчатые настилы были отдельной историей! Каждый, кому приходилось по ним ездить, может кое-что рассказать. Несмотря на множество ответвлений, пробки на них были неизбежны. Ехать вне дорог было невозможно, даже далеко за линией фронта. Низкорослые заболоченные леса начинались сразу по левую и правую сторону.

В одной из поездок по этой «транспортной сети» я снова проявил себя с неприглядной стороны. Я возвращался с совещания, хотел попасть на фронт и, как всегда, спешил. Вдруг кто-то как ненормальный стал сигналить позади меня.

Я должен был съехать на один из боковых путей и дать ему проехать, потому что у него была явно более мощная маши-

на, и он спешил еще больше, чем я. Но если бы мы съехали на одно из этих ответвлений, то рисковали почти наверняка выбиться из этой сети дорог. Движение было беспрерывным, и никто не остановился бы, чтобы позволить нам попасть на нее обратно. Поэтому я продолжал ехать вперед, даже когда оглянулся и убедился в том, что позади была машина со штабным флажком.

В конце концов один из обычных заторов заставил нас остановиться, и я вскоре получил увесистый «подзатыльник». Это был гауптман из штаба Линдеманны, командующего группой армий «Север». Он тут же устроил мне головомойку.

Когда я объяснил ему, что мое присутствие на фронте столь же важно, как и его инспектирование, и что он, наверное, даже не смог бы тут ездить, если бы не солдаты, удерживавшие фронт, он потребовал мои документы.

– Вы доложите командующему армией и узнаете от него лично, что необходимо, а что нет! – объявил он мне грозным тоном.

И на следующий день я узнал, что было необходимо, и что нет. Линдеманны принял меня доброжелательно. В боях у «Западного вала» он познакомился с моим отцом. Вместо разноса, произошел забавный разговор.

– Ну и везет же этому парню, – говорили мои товарищи, когда я вернулся с этого randevu с довольной улыбкой.

После многих недель русские наконец были утихомире-

ны в секторе к югу от Ладожского озера. Они опять затихли. Мы отступили от линии фронта и расположились в Чернове, близ Гатчины. Большинство машин было готово для отправки в ремонтные мастерские; нужно было ликвидировать обычные в период обкатки мелкие неполадки. Командир нашей роты был переведен, и командование ротой перешло к бывшему заместителю, обер-лейтенанту фон Шиллеру. Я оставался единственным еще одним офицером в роте до лета следующего года.

Во время перерыва в боевых действиях я получил задание разведать дороги на подступах к Ленинграду, которые ведут на север от Гатчины к дороге вдоль береговой линии, и связующие дороги между ними. Занимаясь этим, я должен был установить контакт с пехотой на фронте. В дополнение к этому нужно было проверить на прочность все мосты и дренажные трубы. При необходимости военные инженеры должны были их так укрепить, чтобы пролет соответствовал габаритам «тигра», а проезд украшал знак нашего тактического подразделения с изображением мамонта.

К сожалению, русские стали единственными, кто пожинал плоды нашей работы там, когда наступали в 1944 году.

Во время этих разведывательных поездок у меня была возможность ознакомиться с ленинградским фронтом. За несколько километров по шоссе нам был виден работающий в порту кран. Кран этот доставил нам огромное количество проблем, потому что он был великолепным наблюдательным

пунктом для русских.

Его невозможно было свалить артиллерией. Когда я находился на линии фронта, приблизившегося к конечной остановке ленинградского трамвая, бросил взгляд на город с разбитых троллейбусов и спросил себя: почему мы не взяли город в 1941 году? В то время едва ли было бы оказано сколь-нибудь серьезное сопротивление.

Мы узнали от взятой в плен женщины-врача, что город практически умирал от голода зимой 1941/42 года. Тела умерших складывались одно на другое, как штабели дров. Она рассказала, что сейчас жизнь в Ленинграде практически вошла в нормальное русло. Население ходит на работу без помех. Где и когда немцы откроют огонь, бывает уже известно заранее. Кроме того, по ее словам, у нас почти не осталось боеприпасов. Когда потом мы узнали из показаний другого пленного, что в Ленинграде совсем не оставалось солдат в 1941 году и город в то время русскими войсками был практически оставлен, даже самому последнему шоферу солдатской столовой стало ясно, что эту ошибку никогда уже не исправить.

Хотя развитие событий на фронте происходило в том же направлении на протяжении почти трех лет, ничего существенного не было сделано для сдерживания наступления русских, которое, несомненно, должно было последовать. Они (руководители) обещали дивизионным командам, что из глубокого тыла осенью 1943 года будут посла-

ны бульдозеры. Предполагалось, что с их помощью выроют противотанковые рвы перед особенно опасными участками линии фронта. Это было после того, как мы там находились уже три года.

К тому времени, когда эти бульдозеры наконец прибыли, земля промерзла так сильно, что нечего было и думать об их использовании. Русские, конечно, использовали их наилучшим образом следующей весной.

С Ленинградом в качестве краеугольного камня Восточного фронта мы могли бы перезимовать на хорошо подготовленных позициях. Это дало бы нам приемлемый исходный пункт для нового наступления весной 1942 года.

Наступлению на Москву было отдано предпочтение перед взятием Ленинграда. Атака захлебнулась в грязи, когда до столицы России, открывшейся перед нами, было рукой подать. Что потом произошло печально известной зимой 1941/42 года, не передать в устных или письменных донесениях. Германскому солдату приходилось держаться в нечеловеческих условиях против привыкших к зиме и чрезвычайно хорошо вооруженных русских дивизий.

Наши полки – или, лучше было бы сказать, то, что от них осталось, месяцами удерживали свои позиции, и это стало для них настоящим адом. С отмороженными конечностями, полуголодные и морально подавленные, мы – непостижимо! – еще были способны провести целую зиму на этих изначально удерживаемых позициях.

Спросите тех, кто находился на Восточном фронте в эту первую зиму или еще одну или две зимы, – почему они не испытывали сочувствия к тем, кто был жестоко наказан или помещен в лагерь за подстрекательство к мятежу или саботаж или за другие подобные проступки во время войны. Это те самые люди, которых потом чествовали как героев и мучеников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.